УДК 316.43

ББК 60.524

DOI: 10.35211 / 2500-2635-2019-3-39-19-32

**ДВАДЦАТЬ ЛЕТ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА.
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИТОГАХ РЕФОРМ
И РИСКАХ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**TWENTY YEARS OF THE BOLOGNA PROCESS.
REFLECTIONS ON THE RESULTS OF REFORMS
AND RISKS OF RUSSIAN EDUCATION**

ВОЛКОВА Лариса Витальевна

Российский государственный университет
нефти и газа (национальный исследовательский
университет) имени И. М. Губкина, Москва, Россия
E-mail: volkovasocio@mail.ru

ФИЛАТОВА Марина Николаевна

Российский государственный университет
нефти и газа (национальный исследовательский
университет) имени И. М. Губкина, Москва, Россия
E-mail: filatova.m@gubkin.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию причин и последствий проекта реформирования российского образования. Используя методологию системного анализа и проектного подхода, первичный и вторичный анализ данных, авторы показывают, что при разработке проекта реформ были допущены серьезные методологические просчеты. Игнорирование или формальная реализация важнейших стадий проектирования системы, в том числе стадии проблематизации и согласования интересов, стали причиной неудач и проблем в новой системе образования. Вторичный анализ статистических данных за 17-летний период показывает отсутствие позитивной динамики в сфере занятости молодежи и соответствия ее образования запросам экономики. Субъективно же ощущения участников образовательного процесса стали значительно пессимистичнее. Учитывая, что в современной политической ситуации интеграция с Европой, в том числе в сфере образования, по меньшей мере, откладывается на неопределенный срок, авторы предлагают и в этой сфере осуществить образовательное импортозамещение. Следует начать по-настоящему серьезный научный проект создания новой российской системы образования, отвечающий как реалиям современного этапа общественного развития, так и интересам всех заинтересованных субъектов.

Ключевые слова: Болонский процесс, образование, реформа, системный анализ, проектный подход, фазы проектирования, интересы, мотивация.

VOLKOVA Larisa V.

National University of Oil and Gas
«Gubkin University»

E-mail: volkovasocio@mail.ru

FILATOVA Marina N.

National University of Oil and Gas
«Gubkin University»

E-mail: filatova.m@gubkin.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the causes and consequences of the project of reforming the Russian education. Using the system analysis methodology and the project approach, the primary and secondary analysis of the data, the authors show that in developing the reform project serious methodological errors were made. Ignoring or the formal implementation of the most important stages of system design, including the stage of problematization and the coordination of interests, have led to failures and problems in the new education system. The secondary analysis of statistical data for the 17-year period shows the absence of positive dynamics in the field of youth employment and the compliance of its education with the demands of the economy. Subjectively, the feelings of the participants in the educational process became much more pessimistic. Given that in the current political situation, integration with Europe, including in the field of education, is at least postponed for an indefinite period, the authors propose to carry out educational import substitution in this area too. A truly serious scientific project should be launched to create a new Russian education system that meets both the realities of the current stage of social development and the interests of all stakeholders.

Keywords: Bologna process, education, reform, system analysis, project approach, design phases, interests, motivation.

Все, что хорошо начинается, кончается плохо.
Все, что начинается плохо, кончается еще хуже.

Законы Мерфи

Два десятилетия назад страны Евросоюза приняли решение интегрировать национальные образовательные системы в единое образовательное пространство. Декларация в Болонье была подписана 19 июня 1999 года (Зона ... web).

Однако в действительности Болонский процесс начался значительно раньше, и за эти годы его основные идеи, цели и акторы существенно трансформировались. Сопоставление Декларации с Великой хартией европейских университетов (1988 г.) и Сорбонской декларацией (1998 г.) показывает, что исходившая первоначально от образовательного сообщества инициатива объединения преследовала, главным образом, цели развития и трансляции европейского гуманизма, преемственности культуры и научных знаний, автономии университетов и тех, кто в них учится и работает, «моральной и интеллектуальной независимости от всех политических и экономических властей» (*Magna ... web*). Важнейшим средством назывался взаимный обмен знаниями и регулярные совместные проекты, подразумевающие мобильность преподавателей и студентов, в свою очередь, требующую значительных финансовых вложений. Иными словами, экономические факторы выступали в качестве средств для решения задач, позволяющих достичь социально-гуманитарные цели.

Сорбонская декларация министров образования уже делает акцент на сопоставимости академических степеней, создания их единой системы в целях обеспечения мобильности студентов и их последующего трудоустройства (*Sorbonne ... web*). Учащийся в этом документе уже выступает не как субъект культурного и научного развития, а как «человек экономический». То есть цели постепенно становятся прагматическими. На первый план выносятся не интересы науки и культуры (и, соответственно, образовательных институтов, как их создателей и трансляторов), а рынка труда, эффективной экономики, укрепления положения Европы в мире.

В самой Болонской декларации отчетливо прослеживается главная мысль: «решительнее (чем в прошлом) конкурировать за студентов, влияние, престиж и деньги во всемирном соперничестве университетов» (*Зона ... web*). Таким образом, если исходным посылом Болонского процесса было стремление вернуться к гуманистическим ценностям образования, декларированным мыслителями прошлого и настоящего, начиная от Руссо, Канта, Гегеля, Гумбольдта и заканчивая Адорно, Лиссманом и Бауманом, то в ходе подготовки и реализации, осуществляемой правительственными и иными управленческими структурами, процесс был переориентирован на неолиберальные цели рыночного развития и максимизации экономической эффективности образования. Вместо «классически образованного человека» или хотя бы «культурного специалиста» целью стало приращение человеческого капитала и капитала образовательной элиты.

Присоединение России к Болонскому процессу состоялось в сентябре 2003 года, после чего были начаты реформы отечественной системы образования, направленные на ее переориентацию по аналогии с системами европейских стран. Необходимо выделить основные причины, побудившие руководство государства действовать в данном направлении. Две из них можно отнести к объективным. Система российского образования, сформированная в минувшем столетии на основе другой социально-экономической системы, перестала отвечать новым экономическим реалиям и потребностям формирующегося информационного общества. Отчет Всемирного банка

«Образование в странах с переходной экономикой: задачи развития» (2003 г.) по итогам исследований в 27 государствах (в том числе – РФ), указывает, что «образовательные системы данных государств во многом по-прежнему нацелены на усвоение фактической информации и заучивание установленного ряда приемов; они незначительно реагируют на «сигналы» рынка труда; потребители образовательных услуг данных государств не требуют от страны качества образования; использование существующих (достаточно ограниченных) ресурсов в образовании малоэффективно». Следует оставить в стороне критерии оценки образовательных систем в данном отчете. Хотя и не совсем понятно, что плохого, если учащиеся будут знать, кто с кем воевал в двух мировых войнах, какие континенты разделяет Берингов пролив, сколько будет семью восемь и тому подобную фактическую информацию. Главное, эти критерии были признаны верными теми, от кого зависела судьба института российского образования. Перед страной, активно стремившейся в то время встроиться в мировой экономический порядок, встала задача обеспечения уровня массового образования, соответствующего «новой экономике», для выхода на мировой рынок (Аналитический ... web).

Вторая объективная причина – отсутствие в реальной мировой практике иных эффективных моделей образования, кроме применяемых в странах Запада. Разработка собственной модели не представлялась возможной. Связь образования и экономики достаточно сложна, но определенная взаимная детерминация, конечно, существует. А экономика страны находилась в переходном (и во многом, кризисном) состоянии. Множество факторов неопределенности не позволяли сколько-нибудь достоверно спрогнозировать контуры социально-экономического развития, отраслевую структуру, определяющую потребности в квалифицированных специалистах, способных разрабатывать и внедрять новые методы и технологии. Сложность, длительность и высокая цена разработки новой модели могли растянуть реформирование не на годы, а на десятилетия, и притом, не гарантировали положительный результат.

Безусловно, большую роль в присоединении к Болонскому процессу сыграли политические факторы. Это было время, когда Россия главной политической целью ставила максимальную интеграцию со странами Запада, и прежде всего, со странами Евросоюза как ключевыми партнерами. Предполагалось, что Россия будет участвовать в создании общеевропейской системы образования, что ускорит интеграционные процессы в других сферах. Но пять лет назад ситуация в отношениях с Западом, и с Евросоюзом, в частности, радикально изменилась, и рассчитывать на интеграцию в обозримом будущем не приходится. Однако на направление и характер реформ в образовании политические изменения не повлияли.

Факторы экономического характера можно условно разделить на две большие категории. Первая включает все, что связано с оптимизацией государственных расходов на образование. С одной стороны, было понятно, что при сохранении нищенского уровня расходов на образование 1990-х годов позитивных изменений в образовании ждать бессмысленно. Кроме того, необходимость выживать любыми способами в условиях слабого правового

режима многократно усилила на всех уровнях образования криминальные и полукриминальные явления, такие как коррупция, поборы, nepотизм, репетиторство при поступлении и т. д. С другой стороны, простое увеличение бюджетного финансирования могло привести к противоположным результатам: закреплению существующих проблем и углублению кризиса.

Не менее важной (а, возможно, главной) экономической причиной реформ стало интенсивное развитие самого образования как отрасли экономики. Масштаб рынка образовательных услуг только внутри страны вырос за десятилетие в сотни раз. Победа идей неолиберализма в глобальном масштабе породила стремление российской элиты (как политической, так и вузовского истеблишмента) взять под контроль эту весьма перспективную и доходную отрасль. Экспорт образования, как показывают примеры наиболее успешных стран, может составлять десятки миллиардов долларов. Но для быстрого и относительно малозатратного повышения конкурентоспособности российского образования на рынке глобальных образовательных услуг следовало интегрировать его в общеевропейскую систему, чтобы рост конкурентоспособности европейского образования повысил и конкурентоспособность отечественного.

Назывались и другие мотивы необходимости реформ образования, однако авторы статьи считают, что именно экономические мотивы стали ключевыми и определили цели реформирования на годы вперед. Для того, чтобы это доказать, необходимо обратиться к системному анализу и проектному подходу.

Итак, объект реформирования – образовательная система страны. Она, как любая система, включает структурные элементы, также являющиеся системами: педагогическую, управленческую, материально-техническую, финансовую и т. п. Кроме того, она функционирует на различных уровнях. Ведь допустимо рассматривать как образовательную систему не только институт образования в целом (макроуровень), но и среднюю или высшую школу, региональное образование (мезоуровень), а также любое образовательное учреждение (микроуровень).

С точки зрения теории социального проектирования, проект – это ограниченное во времени целенаправленное изменение выбранного объекта с определенными критериями качества результатов, вероятными пределами расхода средств и ресурсов и специфической организацией. Каждая реформа образования страны является системным проектом, включающим изменения в регионах, отдельных образовательных учреждениях, педагогических механизмах и т. п. Любой проект от зарождения идеи до полной реализации проходит определенные ступени. Последовательность ступеней образует жизненный цикл проекта, который делится на фазы и стадии:

1. Фаза проектирования системы, содержащая стадии:

- концептуальную: обнаружение противоречий; формулирование проблематики; установление цели; подбор критериев;
- моделирование системы: построение и оптимизация моделей; подбор модели (принятие решения);

– конструирование системы, включающее декомпозицию; агрегирование; изучение обстоятельств; построение программы;
– технологическую подготовку.

2. Технологическая фаза осуществления системы.

3. Рефлексивная фаза оценки и самооценки результатов (Новиков 2005).

Необходимость определения проблематики в начале проекта вытекает из необходимости учета последствий для каждого элемента при решении поставленной проблемы. При определении проблематики важно охватить максимально широкий круг участников: участников, обладающих полномочиями принятия решений, то есть тех, от кого напрямую зависит решение проблемы (руководителей образовательных учреждений, сотрудников органов управления образованием и т. п.); активных участников, чьи действия непосредственно требуются при реализации проекта проблемы; участников, от которых активные действия не требуются, но на ком отразятся (позитивным либо негативным образом) результаты решения проблемы; участников с вероятным отрицательным отношением к решению проблемы, которые могут совершать враждебные действия.

Каждый из участников может иметь свой взгляд на проблему, собственное отношение к ней, поскольку ее наличие или ликвидация могут породить у них новые проблемы. Построение проблематики позволяет определить, что и зачем желает (или не желает) изменить каждый из участников. Без четкого определения проблематики невозможно поставить достижимые цели, а, следовательно, реализовать проект (Новиков 2005).

Когда речь идет о системе образования, имеет смысл выделить пять основных заинтересованных социальных групп: управленцы всех уровней (чиновники), педагоги, работодатели, учащиеся и их родители. Если чиновники естественным образом входят в первую из названных выше категорий, то место остальных четырех групп в ходе подготовки проекта определить сложнее. В силу внутригрупповой стратификации представители каждой группы могут оказаться во второй, третьей и четвертой категориях. Ключевые интересы, и, следовательно, взгляды и позиции каждой из названных категорий различаются, поэтому их выяснение при создании и реализации проекта принципиально важно.

Применив названные теоретические положения к фактическим обстоятельствам реформирования образования в нашей стране, видно, что практически все стадии первой фазы были проигнорированы организаторами реформ. Проблематизация по большей части была ограничена первой из названных выше категорий участников. Управленцам всех уровней была предоставлена широкая возможность изложить свои позиции как в публикациях, так и на множестве совещаний, семинаров, конференций. Их мнения учитывались при корректировке концептуальных и нормативных документов. Педагоги также имели возможность артикулировать свои взгляды, о чем свидетельствует большое количество печатных и особенно интернет-публикаций. Уже тогда было очевидно, что большинство педагогов выступает против предлагаемой управленцами идеологии и стратегии реализации проекта, но эти протесты, представленные как попытки ретроградов

остановить прогресс, были проигнорированы и продолжают игнорироваться по сей день. Эта ошибка реформаторов во многом предопределила неудачу проекта, поскольку именно педагоги составляют большую часть второй категории акторов, то есть активных участников, от которых, в конечном счете, зависит фактическая реализация проекта. Не имея возможности легально влиять на ход событий, педагоги массово перешли к тактике скрытого саботажа, и винить их за это невозможно, поскольку их интересы и позиции не были интегрированы в концепцию реформирования с самого начала проекта.

Позиция работодателей, озвученная весьма фрагментарно, в целом выглядела амбивалентной. С одной стороны, многие выражали (и продолжают выражать) недовольство качеством подготовки молодежи, с другой – еще на этапе апробации продемонстрировали нежелание принимать на работу выпускников средних школ и первой ступени высшего образования – бакалавриата. Более детальное выявление интересов и позиций работодателей, как и двух других социальных групп – учащихся и родителей, требовало значительных усилий, поэтому инициаторы проекта его просто проигнорировали.

Цели проекта на протяжении многих лет формулировались в самом общем и расплывчатом виде как необходимость модернизации для повышения конкурентоспособности. Вопросы о том, кто, с кем, зачем и как должен конкурировать, оставались без ответов. И только в последние годы они приобрели некоторую четкость, вполне подтверждающую гипотезу авторов статьи о доминирующих мотивах реформ. Институт образования должен стать экономически рентабельным, приносить прибыль, превышающую бюджетные расходы.

Ниже представлена выдержка из Паспорта национального проекта «Образование» 2018 г.:

«2. Цели, целевые и дополнительные показатели национального проекта

1. Цель: обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования;

1.1 средневзвешенный результат Российской Федерации в группе международных исследований, место Российской Федерации;

1.2 позиция Российской Федерации в международном соревновательном рейтинге стран, готовящих выпускников (молодых специалистов) по современным требованиям в совокупном балльном исчислении;

1.3. место России в мире по присутствию университетов в ТОП-500 глобальных рейтингов университетов.

2. Цель: воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций

2.1. доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных дополнительным образованием, %;

2.2. численность обучающихся, вовлеченных в деятельность общественных объединений, в том числе волонтерских и добровольческих, млн. человек накопительным итогом» (Паспорт ... web).

Приведенный документ вызывает целый ряд вопросов. Главный из них: не являются ли две поставленные цели взаимоисключающими? Один из крупнейших американских бизнесменов Д. Сарнофф не зря говорил: «Конкуренция обеспечивает наилучшее качество продукции и развивает наилучшие качества людей». Конкурентоспособность любого субъекта (государства, организации, индивида) подразумевает способность бороться за прибыль и выгоду любыми доступными средствами, часто несовместимыми с духовно-нравственными ценностями. Далее: что вообще понимают под качеством образования авторы данного документа? Качество – это совокупность свойств изделия, обуславливающих его способность удовлетворять определенные потребности в соответствии с его назначением. На чьи потребности ориентируются авторы документа: государственных структур, международных организаций или миллионов реальных людей в стране? Какие потребности школьников и студентов, их родителей, педагогов, работодателей будут удовлетворены ростом этих трех формально-рейтинговых показателей?

Те же вопросы возникают применительно ко второй поставленной в Паспорте цели. Какая связь между гармоничным развитием и охватом дополнительным образованием? Неужели создатели этого документа всерьез думают, что дети, не посещающие секции и кружки, вырастут духовно ущербными, а участвующие в общественных организациях все, как один, станут социально ответственными? Данные исследований показывают, что сегодня молодежь вовлекается, в основном, в полуволонтерские формы общественной активности, ориентируясь не на социально значимые цели, а на личную выгоду, что лишь усиливает смещение морально-этических норм в сторону меркантильности и эгоизма (Руненков, Волкова 2017).

Видно, что усеченная стадия проблематизации при подготовке проекта реформ образования породила непроработанность целей, а последующие попытки их конкретизации велись с учетом интересов лишь одного из заинтересованных субъектов – государства, точнее, структур государственного управления.

Создание и выбор моделей, исследование условий и возможностей, технологическая подготовка – все эти стадии были опущены, и организаторы реформ сразу приступили к технологической фазе. Она продолжается по сей день и включает огромное количество нормативно-правовых актов, ориентированных на достижение или изменение формальных показателей работы образовательных учреждений. Вследствие акцентуации государственного заказа в образовании на формально-организационных показателях возникает хорошо известная в проектном подходе проблема смещения целей в бюрократическом управлении. Она порождает выработку соответствующих критериев эффективности (регулярно меняющихся, что также недопустимо в проектном подходе): соотношение численности обучающихся и педагогов; численность иностранных учащихся; соотношение средней (!) заработной платы организации со средней по региону; число публикаций, индексируемых в информационно-аналитических системах научного цитирования и т. п. (Приказ ... web).

О том, что эти критерии не имеют отношения к оценке реального качества образования, что они не связаны с интересами российской экономики и рынка труда, запросами обучающихся, сущностью и целями образования как процесса становления и развития личности, наконец, о том, что они во многих случаях нереалистичны и невыполнимы, писали и пишут многие педагоги и исследователи (см., напр.: Мартыненко 2017; Самыгин, Волочай, Кудрявцев 2016; Хагуров 2015; Юдина 2017), но односторонность коммуникативных процессов в системе образования, направленных исключительно сверху вниз, делает любую критику бесперспективной.

Проблема еще и в том, что рефлексивная фаза проекта реформирования к сожалению, государственными структурами вообще не предусматривается. Как показывает опыт множества предыдущих проектов реформирования в различных сферах, это приводит не только к расходованию огромных средств и иных ресурсов, не только к безответственности организаторов, но, самое главное, к постоянному тиражированию непрофессионально подготовленных и реализуемых проектов. Поэтому одну из своих исследовательских задач авторы видят в попытке понять, к каким последствиям привела на данный момент реализация проекта реформ. Для этого необходимо проанализировать и кратко обобщить положение и проблемы основных российских акторов, имеющих отношение к системе образования.

Что получило за годы реформ государство? Четырехкратный (с учетом инфляции) рост расходов на образование (ИА REGNUM). И это несмотря на резкое сокращение количества образовательных учреждений, бюджетных мест в вузах и, соответственно, педагогов и учащихся. Иностранные студенты по-прежнему составляют 4–5 % от общей численности студентов в стране. Академическая мобильность российских учащихся не превышает 1,3 % от их общей численности (причем 80 % едут учиться за рубеж за свои деньги, а не по программам обмена) (Ильина, Плакидина, Плотникова 2018). Видимо, проект «5–100» приближается к безрезультатному завершению (Ключарев, Неверов 2018).

Молодежная безработица остается практически стабильной на протяжении 20 лет (20–25 % от молодежи в целом и около 15 % для группы 20–25 лет) и превышает уровень более старших возрастов в 3,7 раза. (Ситуация ... 2019).

Вице-президент Конфедерации труда О. Шеин убежден, что «безработица среди молодежи в ближайшее время будет качественно возрастать». До изменений в пенсионном законодательстве каждый год на пенсию выходили порядка 2 млн. россиян, а численность молодежи, входившей на рынок труда, составляла около 1 млн. Эта разница снижала уровень безработицы. Но количество рабочих мест в стране также регулярно сокращалось. Так, с 2012 по 2018 гг. рабочих мест стало меньше на 5,2 млн (данные Росстата). С 2023 года численность молодежи, выходящей на рынок труда, достигнет максимальных в постсоветский период показателей за счет родившихся после выхода из «демографической ямы». При этом будут продолжать работать примерно 2 млн. человек из числа тех, кому отсрочено право на пенсию. В результате к 2025 году дополнительный приток на рынок труда достигнет отметки в 3 млн. человек (News.ru web).

Работодатели продолжают предъявлять претензии к уровню профессиональной подготовки выпускников и к их умению переучиваться и осваивать новые профессии. Их навыками недовольны 91 % работодателей.

Е. Авраамова полагает, что на российском рынке труда нарастает конфликт между выпускниками и работодателями (Россия ... web). Работодатели при трудоустройстве молодежи занижают оплату труда, все чаще предлагают молодым временные договоры, фриланс, неформальную занятость без соцпакета, страховых и пенсионных взносов. 21 % компаний нанимают молодежь на позиции с постоянной текучестью кадров, 83 % – на исполнительские функции и только 23 % собираются выращивать из молодых специалистов руководителей. Диплом бакалавра по-прежнему остается мало востребованным на рынке труда. Большинство работодателей при трудоустройстве на серьезные должности требует уровень не ниже магистратуры. И по-прежнему процветает nepoтизм: самым важным фактором при трудоустройстве молодежь единодушно называет личные связи.

«Около трети выпускников вузов работают не по специальности, причем четверть закончивших университет трудится на работе, не требующей высшего образования. Легче всего молодому человеку устроиться на вакансии продавца, кассира, курьера, офис-менеджера, официанта, хостес, промоутера, оператора колл-центра, секретаря, грузчика. Также относительно доступна сфера digital-маркетинга, например, на позициях SMM-менеджера, копирайтера, контент-менеджера, email-маркетолога. Поэтому текучесть молодых кадров очень высока, мало кто остается на одном месте три года и больше. По данным опроса Deloitte, 61 % молодых людей в возрасте до 22 лет не планируют работать в одной компании более двух лет. Многие увольняются через несколько месяцев, если не видят перспектив роста» (Россия ... web).

Таким образом, если говорить об объективных показателях, вторичный анализ статистических данных за 17-летний период показывает отсутствие позитивной динамики в сфере занятости молодежи и соответствия ее образования запросам экономики. Далее представлены субъективные реакции участников образовательного процесса.

Молодежь, чутко реагирующая на демонстрируемые старшими экономически эффективные модели поведения, выбирает новые формы социальной адаптации. Жизненный успех в их понимании – обеспечить материальный достаток, пожить в свое удовольствие. Гедонизм и сопутствующие ему эгоизм и социальный абсентеизм демонстрирует в опросах и групповых интервью от половины до двух третей респондентов в возрасте от 14 до 25 лет (Филатова, Вершинина, Волкова, Гусейнова, Симон 2015). Гедонистические ценностные ориентации проявляются и при получении образования, превратившегося не столько в услугу, сколько в товар. Ценность образованности, по данным многолетних исследований авторов статьи, давно уступила место образованию как формальному средству достижения жизненного успеха. Н. Е. Покровский указывает, что нынешние потребители образования, в первую очередь, ориентируются на его «удобность», то есть минимизацию усилий (как физических, так и умственных) для получения желаемого ре-

зультата (диплома); экономическую эффективность (платить меньше – получать больше); привлекательные «упаковки» (броские названия учебных направлений и программ, использование модных методов обучения); максимальную коммерческую реализуемость полученных знаний (Покровский 2005). Происходит все то же смещение целей: от знаний к оценкам, от образования к диплому, повышающему шансы на хорошую зарплату.

Обращаясь к характеристике педагогического сообщества, необходимо проанализировать исследования ведущих научных социологических центров и отдельных ученых, а также социологические опросы и глубинные интервью с учителями московских школ и преподавателями университетов, проведенные социологической лабораторией РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Аквазба, Медведев 2015; Высшее ... 2016 web; Преподаватель 2014; Работа ... 2016 web; Система ... 2016 web; Филатова, Вершинина, Волкова, Гусейнова, Симон 2015; Хагуров 2015).

Организация педагогического труда в результате реформирования системы образования приводит, как отмечают многие исследователи и педагоги, к чрезмерной регламентации, формализации и расчленению работы на множество локальных заданий (не всегда явно связанных друг с другом и с педагогической деятельностью) и огромному количеству отчетности. Деятельность педагогов рутинизируется, возникает чувство бессмысленности труда, подавляются способности, а это, в свою очередь, снижает ответственность и удовлетворенность работой. Невозможность влиять на происходящее, принудительное мотивирование (угроза увольнения), регулярная недооценка результатов труда в сочетании с невысокой зарплатой и политикой администрации воспринимается людьми как общее снижение своего статуса. «Руководство вузов, ориентируясь, прежде всего, на исполнение указаний, исходящих от вышестоящих государственных управленческих структур, совершенно не заинтересовано, как правило, в том, чтобы решать проблемы персонала, и недовольство последнего приобретает хронический характер. При этом формируется ситуация раскола между управленческими структурами разного уровня и преподавателями...» (Самыгин, Волочай, Кудрявцев 2016). Главным образом, эти факторы, а не уровень заработной платы вызывают наибольшее возмущение и порождают напряженность. В действительности наиболее значимым оказывается статус, включающий: уважение со стороны других членов организации, от начальства до технического персонала, а также социума в целом; удобный гибкий график работы и связанная с ним относительная автономия в организации собственной деятельности. Таким образом, серьезной проблемой в реформах образования выступает значительное системное снижение статуса педагогов, демотивирующее их деятельность и порождающее разнообразные способы ее имитации, что в значительной мере и приводит к неуспешности реформирования (Волкова 2017).

К. Альдерфер считал, что наряду с прогрессивным процессом удовлетворения потребностей, описанным А. Маслоу, действует также регрессивный процесс, связанный с разочарованием (фрустрацией) (Уорнер 2001). Движение от потребности к потребности возможно не только снизу вверх,

но и в противоположную сторону, и неудовлетворенная потребность более высокого уровня стимулирует усиление потребности более низкого уровня. Этот регрессивный процесс и был зафиксирован авторами статьи в ходе исследований мотивации современных педагогов. Происходит переход от мотивов, связанных с ростом (личным, карьерным или профессиональным), к мотивам существования (зарплата, условия работы, гарантии занятости). Для молодежи, ориентированной на высокий доход, быстрый карьерный рост и признание, подобная ситуация неприемлема. Поэтому и в школах, и в высшем образовании средний возраст педагогов превышает 50 лет. Доля молодежи уменьшилась с 11 % в 1999 г. до 9 % в настоящее время, доля лиц старше 65 – выросла в 2,5 раза. То есть говорить о притоке молодых кадров в образование не приходится (Вести ... web).

Согласно докладу Global Human Capital 2017 года, РФ занимает 4-е место в мире по объемам человеческого капитала (уровень формального образования населения), но лишь 42-е место по уровню реального использования навыков в трудовой деятельности и 89-е место по такому важнейшему для роста экономики индикатору, как «доступность квалифицированных работников» (Двенадцать ... 2018 web). Объяснить диспропорцию можно, конечно, слабостью экономических институтов страны. Но не менее значимой причиной следует считать реализацию слабо подготовленного и малоэффективно реализуемого проекта реформирования образования.

«По случаю юбилея Болонского процесса состоялась встреча министров образования разных стран. Но атмосфера на встрече была не праздничной, а весьма напряженной и мрачной, – говорит директор горного института Фрайбергской горной академии К. Дребенштедт, – потому что все это была ошибка. Возможно, они хотели сделать хорошее дело, но это оказалось никому не нужно. < > В основе Болонского процесса лежала идея применения в разных странах англо-саксонской системы, но в США она работает одним образом, а в Европе – совершенно по-другому. < > Сегодня мы видим, что многие страны в мире постепенно отказываются от двухуровневого подхода в системе образования. Германия тоже находится в рядах таких государств. Работодателей, в первую очередь, интересуют специалисты с пятилетним образованием, потому что, как показала практика, бакалавр не способен работать как профессионал» (Интервью ... web).

В феврале 2009 года во Франции была проведена общенациональная забастовка в образовательных учреждениях, приведшая к отзыву вновь принятого закона о статусе педагога. В соответствии с данным законом преподавание должно было превратиться в «контракт на оказание услуг», а педагог из служащего – во временного наемного работника. В РФ через десять лет «эффективный контракт» сделался необратимой реальностью.

Современная теория элит полагает, что одна из ключевых задач любой элиты общества, каким бы ни был социальный строй, – обеспечение самосохранения и преемственности власти. Однако формально сохранившиеся возможности высокой вертикальной мобильности и доступа в элиту из более низких слоев мешают реализации данной задачи. После реформ образования таких возможностей будет значительно меньше, поэтому реализуемый

проект объективно защищает интересы правящего слоя. Вольно или невольно, реформаторы работают на снижение уровня массового образования в стране, хотя Болонский процесс непосредственно на это не ориентирован.

Болонская модель за двадцать лет проявила свои недостатки даже в Европе. В России же она продемонстрировала не только неэффективность, но и практическую нереализуемость. Не пора ли, наконец, открыто признать, в том числе, и на высших уровнях власти, неудачу этого проекта? Особенно с учетом того, что интеграция с Европой, по меньшей мере, откладывается на весьма неопределенный срок. И нам следовало бы и в этой сфере осуществить образовательное импортозамещение. А для этого нужно, невзирая на издержки, начать по-настоящему серьезный научный проект создания новой российской системы образования, отвечающий как реалиям современного этапа общественного развития, так и интересам всех заинтересованных субъектов. Необходимо организовать широкий общественный диалог, вовлечь в него с помощью современных информационных технологий ученых, педагогов, работодателей, родителей и, конечно, самих учащихся, прояснить и согласовать интересы и позиции. На этой основе создавать и апробировать модели (несколько, а не одну, потому что ситуации в регионах очень различаются). Результаты апробации также должны подвергнуться широкому обсуждению и, возможно, голосованию. И уже после этого приступать к масштабным реформам образования, опять же под постоянным общественным контролем. Только в этом случае, по убеждению авторов статьи, расходы на образование станут не социальной обузой для государства, но инвестицией в будущее с высокой отдачей.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Аквизба, Е. О. Мотивационная политика образовательной организации как инструмент эффективного управления / Е. О. Аквизба, П. С. Медведев // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 2. Ч. 21. – С. 4794–4798
2. Аналитический обзор № 8 состояния и международных тенденций развития систем образования (апрель-июнь 2004 г.) / Белорусский государственный университет, Центр проблем развития образования БГУ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/10970/1/AO_8_2004.pdf (дата обращения: 24.06.2019).
3. Вести образования [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/4/11/teacher/7071-sredniy_vozrast_pedagogov_v_rossiyskih_shkolah_prevyshaet_50 лет
4. Волкова, Л. В. Статус современного педагога и проблема качества в российском образовании / Л. В. Волкова // *Труд и общество в реалиях XXI века: сб. науч. ст.* / Р. В. Карапетян (отв. ред.). – СПб.: Скифия-принт, 2017. – С. 264–272.
5. Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать. Опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс] // *Пресс-выпуск*. – 2016. – 13.07. – № 3152. – Режим доступа: URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115775> (дата обращения: 24.06.2019).
6. Двенадцать решений для нового образования. Доклад центра стратегических разработок и высшей школы экономики. Москва, апрель 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115775> https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/04/Doklad_obrazovanie_Web.pdf
7. Зона европейского высшего образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.inf.tsu.ru/Webdesign/bpros.nsf/news/010920051> (дата обращения: 24.06.2019).
8. ИА REGNUM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://regnum.ru/news/2409264.htm> (дата обращения: 24.06.2019)

9. Ильина, Т. С. Проблемы развития академической мобильности студентов в России / Т. С. Ильина, С. Е. Плакидина, Е. С. Плотникова // Научный альманах. – 2018. – № 5–1(43). – С. 153–164.
10. Интервью директора горного института Фрайбергской горной академии К. Дребенштедта // Форпост Северо–Запад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://forpost-sz.ru/a/2018-09-28/svoboda-dostupnost-kachestvo-nemeckaya-sistema-obrazovaniya-spustya-dvadcat-let-s> (дата обращения: 24.06.2019).
11. Ключарев, Г. А. Проект «5–100»: некоторые промежуточные итоги / Г. А. Ключарев, А. В. Неверов // Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ. – 2018. – Vol. 18. – № 1. – С. 100–116 / КиберЛенинка: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-5-100-nekotorye-promezhitocnyye-itogi> (дата обращения: 24.06.2019).
12. Мартыненко, Т. С. Высшее образование в цифровую эпоху: проблемы и перспективы / Т. С. Мартыненко // Инженерное образование и вызовы культуры в XXI веке: материалы II Междунар. научно-методич. конф. «Наука, образование, молодежь в современном мире» (Москва, 19 мая 2017 г.) / Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина – М., 2017. – Ч. 1. – С. 68–72.
13. Новиков, А. М. Развитие отечественного образования / А. М. Новиков // Полемиические размышления. – М.: Издательство «Эгвес», 2005. – 176 с.
14. Паспорт национального проекта «Образование» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.econom22.ru/pnp/natsionalnye-proekty-programmy/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf> (дата обращения: 24.06.2019).
15. Покровский, Н. Е. О совершенствовании преподавания теоретико-социологических дисциплин / Н. Е. Покровский // Социологические исследования. – 2005. – № 10. – С. 69–76.
16. Максименко, Л. А. Преподаватель в условиях реформирования системы высшего образования // Л. А. Максименко, Н. Г. Зенец, Н. Ю. Ражина, Н. А. Гетман, П. И. Шустер, Д. С. Киселева, Т. В. Добровольская, Е. Ю. Березнева, Т. П. Храмых, А. С. Вяльцин, В. Д. Жихарев, Т. Г. Лобова, Т. В. Мироненко, А. А. Алгазина // Омский научный вестник. – 2014. – № 3 (129). – С. 88–92.
17. Приказ Министерства образования и науки РФ от 23 января 2018 г. № 41 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования и работы их руководителей, находящихся в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71773272/> (Дата обращения: 24.06.2019)
18. Работа и зарплата учителей. Опрос Фонда «Общественное Мнение». По данным опроса ФОМнибус от 15.09.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/12858> (Дата обращения: 24.06.2019)
19. Россия: почему миллионы выпускников работают не по специальности? Результаты мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ и выводы доклада «Российская молодежь: образование и наука» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://issek.hse.ru/press/217256382.html> (Дата обращения: 24.06.2019)
20. Руненков, А. В. Мотивы участия студентов в деятельности добровольческих общественных организаций (на примере активистов вузов нефтегазового профиля) / А. В. Руненков, Л. В. Волкова // Инженерное образование и вызовы культуры в XXI веке: материалы II Междунар. научно-методич. конф. «Наука, образование, молодежь в современном мире» (Москва, 19 мая 2017 г.) / под ред. Л. В. Волковой, О. М. Смирновой, М. Н. Филатовой. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2017. – Ч. 2. – С. 66–72.
21. Самыгин, С. И. Защита интересов преподавателей вузов в процессе реформы образования и проблема социальной безопасности / С. И. Самыгин, А. В. Волочай, Д. И. Кудрявцев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 5. – С. 41–45].
22. Система образования в России: 1991–2016. Опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск. – 2016. – 22 января. – № 3022. – Режим доступа: URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115556> (Дата обращения: 24.06.2019)

23. Ситуация на рынке труда РФ-2019 в таблицах и графиках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.kubdeneg.ru/situaciya-na-rynke-truda-analiz/> (Дата обращения: 24.06.2019)
24. Уорнер, М. Классики менеджмента / М. Уорнер. – СПб.: Питер, 2001. – 1168 с.
25. Филатова, М. Н. Обратная связь с субъектами образовательного процесса 2012–2014 гг. Результаты социологических исследований / М. Н. Филатова, И. А. Вершинина, Л. В. Волкова, Ф. Д. Гусейнова, М. Е. Симон. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2015. – 168 с.
26. Хагуров, Т. А. Реформы образования глазами учителей и преподавателей: год спустя / Т. А. Хагуров // Россия реформирующаяся. Ежегодник / под ред. М. К. Горшкова. – М.: Новый хронограф, 2015. – Вып. 13. – С. 360–381.
27. Юдина, М. Е. Реализуем ли гуманитарный идеал научного знания в техническом вузе? / М. Е. Юдина // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия: сб. материалов XI Междунар. науч. конф. – М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. – С. 304–306.
28. Magna Charta Universitatum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.magna-charta.org/home2.html> (Дата обращения: 24.06.2019)
29. News.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://news.rambler.ru/community/41653394-bezrabotnoy-molodezhi-stalo-menshe/?updated> (Дата обращения: 24.06.2019)
30. Sorbonne Joint Declaration. Joint declaration on harmonisation of the architecture of the European higher education system, The Europaeum, An association of leading European universities [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.europaeum.org> (Дата обращения: 24.06.2019)